

18+

МЕЖДУ БУРЕЙ И РЕКОЙ

Анастасия Августина

Анастасия Августина

Между бурей и рекой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73208378

ISBN 9785006905115

Аннотация

Две древние державы – Далсар и Тарвеш – веками жили в шатком равновесии между миром и войной. Но всё меняется, когда в сердце одного из королевств пробуждается тьма. На этом фоне разворачиваются судьбы тех, кому суждено соединить разорванный мир. Истина потрясает всех, но именно она становится ключом к примирению. Мир приходит не через меч, а через прощение. Два царства объединяются под единым куполом, чтобы защититься от великой пустынной бури, символа прежней вражды.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Между бурей и рекой

Анастасия Августина

© Анастасия Августина, 2026

ISBN 978-5-0069-0511-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Когда пески ещё хранили отпечатки первых правителей, а горы шептали имена забытых богов, над этими землями царствовало великое государство – Сияра́н. Его владыка, царь Ариф Великий, был мудр и справедлив, и под его рукой жили в мире и богатстве все племена и народы, от берегов пустынь до долин, где текли вечные реки. У Арифа было два сына-близнеца – Кеян и Шапур. Они росли неразлучными: один был силён духом и мечом, другой – умом и сердцем. Но судьба редко позволяет равновесию длиться вечно. С годами между братьями вспыхнула зависть – сначала тихая, как ветер над дюнами, потом громкая, как буря над горами. Каждый из них считал, что именно он должен унаследовать Сияран и привести народ к величию. И когда умер их отец, Сияран раскололся. Кеян увёл за собой воинов, кузнецов и мастеров клинка – и основал государство Тарвеш, где закон и сила стояли выше всего. Его потомок, царь Перуз, стал символом гордости и военной мощи, коллекционером чужих трофеев и покорённых земель. Под его рукой армия Тарвеша стояла, как скала в бурю – незыблемая и грозная. А Шапур выбрал путь созидания. Он основал царство Далсар, где люди просыпались под звуки лир и молитв, где сажали сады и строили школы, где вдовы и сироты находили приют, а знания ценились не меньше золота. Его потомок,

царь Сирус, был мягок, но справедлив – любимец народа, хранитель мира и благоденствия. Лишь одно слабое место имело царство Далсар – его армия была мала, и мечей в нём ковали меньше, чем плугов. С тех пор минули века. Тарвеш и Далсар стали словно два зеркала – отражающие одно солнце, но видящие в нём разное. Они делили границы, торговали, враждовали и мирились, но так и не смогли объединить свои силы, чтобы возвести великий Купол Единства, и тот, о котором ещё Ариф мечтал – купол, что защитил бы оба народа от великой бури, предсказанной звёздами.

А буря уже надвигалась. Она рождалась где-то далеко, за хребтами Кавара, где песок светится в ночи, и гул её эхом касался даже самых глухих пустынь. Люди шептали, что это не просто ветер и пыль, а кара небес за разделённое братство, за то, что сердце Сиярана было разорвано надвое – мечом двух братьев. И теперь, когда сила Тарвеша и мудрость Далсара могли бы спасти друг друга, гордость мешала им протянуть руки.

Но судьба уже выбрала своих героев. Тех, кто должен будет соединить то, что когда-то расколосось. И спасти не только два государства – но и сам дух Сиярана, чтобы он вновь восстал из песков, как солнце после долгой ночи.

Глава 1

В царство Тарвеш, на краю пустыни, где жара встречалась с духом войны, прибыл иностранный гость. Перуз, царь Тарвеша, пригласил множество знатных особ для важного события: намерение выдать свою единственную дочь Нилуфар замуж. Каждый вечер в его дворце устраивались званые ужины, где женихи со всех соседних государств представляли себя и свои дарования в надежде завоевать сердце принцессы.

Но Нилуфар, слепая от тяжелых мыслей, знала о намерениях отца и хоть он и желал ее счастья, сама она не была готова покинуть свою жизнь, полную свободы и мечты. А мечта была всего одна – дожить до того дня, когда два враждующих царства объединятся дабы построить купол, который будет как и прежде, защищать их дома, их народы, их детей, их культуру и ценности от ужаснейшей бури, которая настигает их земли каждый год.

– «Господин, Ваша дочь снова захворала» – произнес слуга, с тщательно скрываемой тревогой в голосе, подойдя к трону короля.

– «Опять? Что на этот раз?» – встревожено спросил царь

– «Она утверждает, что у нее ветряная оспа», – сникнув, добавил слуга зная, что это может вызвать гнев.

Царь вскочил с трона, его лицо наполнилось яростью:

– «Что? У нее уже была оспа! Она что, издевается надо мной? Где она?»

– «В своих покоях, господин» – ответил слуга с отсутствующим взглядом от страха.

– «Я хочу ее видеть, немедленно!» – прокричал Перуз, направляясь к двери, как будто собираясь сразиться с врагом.

Войдя в обширные покои дочери, царь натолкнулся на зрелище, которое едва ли мог ожидать: Нилуфар, свернувшись в постели, покрытой глубокими драпировками, стонала. Её лицо и руки были приукрашены красными точками, а глаза почти закрывались от усталости.

– «Как ты, дитя моё? Что с тобой?» – спросил он с искренним беспокойством, подходя ближе.

– «Ах, отец, как же мне плохо. Я не могу встать, всё тело будто в огне. Видишь, даже следы появились на коже» – всхлипывала она, стараясь добавить драматизма в своё недомогание.

– «Ох, бедное дитя!» – произнес царь, взглянув на ее измученное лицо.

– «Мне так жаль отец, что я тебя снова подвожу. Прости меня. Но ничего не могу поделать, сам видишь» – потянула принцесса, сжимая подушку в горьком сожалении.

– «Я сейчас же пошлю за лекарем и он сможет вылечить тебя, моя драгоценность» – решил Перуз.

– «О, нет! Нет! Не надо лекаря! Боюсь, он тут бессилён!» – горестно вскрикнула Нилуфар, хватаясь за одеяло.

Но царь, уверенный в медицинских способностях своего лекаря, подал знак слуге, и тот, увидев решимость короля, бросился исполнять приказ.

Когда врач прибежал в покои, царь вновь взглянул на дочь и, проведя ладонью по ее щеке, заметил что пятно от оспы исчезло. Удивленный, он сделал то же самое с другим пятном и увидев, что болезнь как будто растаяла, разгневался до невозможности:

– «Нилуфар!!! Опять ты меня обманула! Нет у тебя никакой оспы! Думаешь, я не помню, что ты уже болела ею в детстве?!» – воскликнул он.

Принцесса вскочила из постели и бросилась к окну.

– «Довольно отец! Я не пойду ни за кого замуж! Тем более за иностранца! Я убегу из дому, если ты будешь продолжать заставлять меня встречаться с этими женихами!» – её голос звучал с вызовом, полным решимости.

Перуз проговорил:

– Ты смеешь бросать вызов отцу и королю? Нилуфар, твоё упрямство ставит под угрозу весь Тарвеш! Ты думаешь, брак – это лишь оковы? Нет, это щит, который спасёт наш народ от гибели.

Принцесса выпрямилась, её руки дрожали, но голос звучал твёрдо:

– Щит, выкованный в цепях, разобьётся при первом ударе. Я не стану жертвой твоих расчетов, отец. Если ты не видишь иного пути – я найду свой.

На миг тишина повисла над комнатой, нарушаемая только шорохом песка за окнами. Царь тяжело вздохнул, но в его глазах полыхнуло не отчаяние, а гнев.

– Ты знаешь, дочь моя, – произнёс он медленно, не оборачиваясь, – буря, что надвигается, не пощадит никого. Ни наших врагов, ни наших союзников. Даже богам, думаю, придётся укрыться от её дыхания.

Нилуфар стояла позади – стройная, тихая, в светло-голубом покрывале, словно сама прохлада в этом знойном дворце. Она не понимала, куда клонит отец, но чувствовала тревогу в его голосе.

– Отец, ты говорил о буре уже не раз. Но ведь наши мастера строят укрепления, а воины готовы. Разве этого мало?

Перуз тяжело выдохнул. На его лице проступила усталость – не физическая, а та, что приходит к тем, кто слишком долго несёт власть.

Он повернулся, и в его глазах отразилось что-то между болью и решимостью.

– Мало, – сказал он. – Тарвеш богат железом, камнем и руками, но не тем, что нужно, чтобы возвести Купол защиты. У нас нет лунного кварца, нет соляного стекла, что делает сплав прозрачным и крепким. Эти материалы – у наших союзников. – Он подошёл ближе и опустил руку на плечо дочери.

– Эмирство Зарава владеет залежами кварца, без которого купол рухнет от первого ветра. А государство Шамир добы-

вает редкую соль из своих морских гротов – без неё не выйдет застывший сплав.

Если заключить союз с одним из них – если ты станешь женой одного из принцев, – мы получим доступ к одному из этих ресурсов. И не просто доступ – они станут нашими.

Нилуфар вздрогнула.

– То есть... ты хочешь сказать, что мой брак – это сделка?

– Нет, – Перуз нахмурился, – это спасение.

Он подошёл к карте, которая висела в покоях Нилуфар. До ее рождения это были его покои и он оставил ее тут. По ней шли линии – маршруты ветров, очаги бурь, места, где в песке уже начали гибнуть караваны.

– Скоро буря накроет весь Тарвеш, и тогда не спасёт ни золото, ни войска. Если мы не построим купол, всё, что я создал, станет пылью. И тогда не останется ни трона, ни твоего имени, ни моего.

Только ветер.

Она опустила глаза. Сердце сжалось – ей хотелось сказать, что любовь нельзя измерить кварцем или солью, но вид отца, уставшего и гордого, остановил её.

– А если... – начала она тихо, – если я не смогу любить ни одного из них?

Перуз посмотрел на дочь. В его взгляде было всё – и власть царя, и боль отца.

– Любовь – роскошь для тех, кто живёт под защитой. А наш долг сейчас – эту защиту построить.

Когда купол будет возведён, когда буря пройдёт... может быть, тогда ты сама выберешь, кого любить.

Он замолчал.

Сквозь открытое окно ворвался ветер, принёс запах горелого песка и едва слышный гул – далёкий, но неотвратимый.

Буря приближалась.

На другой стороне реки жизнь текла в ином ритме – более мягком, но честном. Ранним, молодой, гибкий и с глазами, в которых пылал огонь, стоял на тренировочном дворе и упорно отрабатывал выстрелы. Рядом, как неизменный компас и надёжная опора, был его крестный – Соруш, человек с морщинами у глаз и руками, вырубленными годами закаливания.

– Держи локоть выше, Ранним, – учил Соруш, его голос был ровным, как камень у фундамента. – Без этого тетива никогда не пойдёт туда, куда надо. Глаз важен, но без техники он – лишь ветер.

Ранним натянул тетиву, тело согнулось по привычке, и стрела вырвалась из лука. Она пронеслась по воздуху и ударила почти в сердце мишени.

– Почти, – вздохнул Соруш, наклонив голову. – Почти, но не достаточно.

– Я бы стрелял лучше, – ответил Ранним, опуская лук, – если бы книги не отнимали у меня столько времени. Учёба – это тоже бой, только другим мечом.

– Книжки разветвляют ум, – кивнул Соруш. – Будущий царь

должен быть гибким: и мечом владеть, и словом. Дипломатия – ещё одно поле битвы.

– Если бы наш царь был бы так же гибок – пробормотал Раним, и в его голосе слышался едва скрытый упрёк. – Но одного красноречия мало, если над головой бушует буря.

Соруш постучал по плечу молодого человека – не угрожающе, а как бы напоминая о широте ответственности:

– Купол, Раним. Пока мы спорим, люди гибнут. Мы пытались договариваться с Тарвешем – гонцы, письма, приглашения. Перуз игнорирует. И что толку от разговоров, если буря вернёт всё в прах?

– Я не буду ждать, пока ветер выкосит наши поля и дома, – сжатые губы Ранима выдавали решимость. – Нужно действовать.

Соруш лишь тяжело вздохнул: мудрость лет делала его спокойным, но в глазах читалась тревога и понимание цены этого спокойствия.

Раним ушёл в сторону покоев, но дорогу ему преградил Малек – задорный сын Соруша, который всегда мог вытащить разговор в сторону лёгкости и не принимать всерьёз мир, где даже тени были серьёзны:

– Ну и зачем ты мучаешь себя каждый день, как будто собираешься в поход на демонов, а не просто тренируешься ради формы?

Раним обернулся. Малек стоял, прислонившись к колонне, в белой тунике и с ленивой улыбкой на лице. В его ру-

ках покачивался бурдюк с вином, а на плече висел короткий меч – скорее для вида, чем для дела.

– Дисциплина, Малек, – ответил Раним, усмехнувшись. – Если хочешь попасть в цель, нужно не просто смотреть, но и видеть.

– А я вижу прекрасно, – сказал Малек и сделал большой глоток. – Например, я вижу, как сегодня на рынке появились новые красавицы. Близняшки. Одинаковые, как два лепестка жасмина. Ты бы посмотрел, Раним. Они спрашивали о тебе.

Раним покачал головой, слегка улыбнувшись.

– О, нет. После твоих «советов» я уже научен опытом. В прошлый раз ты говорил то же самое, и «лепесток жасмина» оказался дочерью мясника. И весьма... разговорчивой.

Малек рассмеялся громко и искренне:

– Ну, зато она умела жарить баранину лучше всех в Далсаре!

– Возможно, – ответил Раним, улыбаясь, – но я всё же предпочитаю тренировки, а не мясные лавки.

Малек подошёл ближе, прищурившись.

– Ты слишком серьёзен, друг мой. Сколько тебе лет? Двадцать один! А говоришь, как старец из монастыря. Разве жизнь дана нам только для долга?

– Может, и не только, – задумчиво ответил Раним, глядя в сторону крепостных стен, где уже розовело небо, – но долг – то, что делает жизнь стоящей.

Малек фыркнул и хлопнул его по плечу:

– Вот увидишь, когда в твою жизнь войдёт любовь, ты забудешь все эти мудрые слова.

Раним посмотрел на него с лёгкой улыбкой, в которой проскользнула тень предчувствия.

– Возможно. Но пока пусть любовь подождёт.

Раним направился в покои к отцу. Дверь в покои открылась, и он вошёл туда, где царь Сирус, даже лёжа, умел оставаться центром двора: в деловом, почти отеческом тоне обсуждал он снабжение рынков и прощальные шутки торговцев. Раним нашёл в отце некоего друга и одновременно преграду.

– Отец, – начал он прямо, – почему ты перестал пытаться достучаться до Перуза? Мы можем просить помощи у Солмириона или Аравана. Союзники помогут.

Сирус отложил бумаги и посмотрел на сына с лёгкой усталостью и той же мягкой печалью, что и у любого правителя:

– Сынок, мир – не игра в карты, где ставишь и берёшь. Просьба за помощью – это долг, и долг оборачивается обязанностью. Попросим помощи у одних – они попросят что-то в ответ. Отдадим землю – отдадим хлеб. Продадим рабов – станем слабее. Я знаю цену каждого решения.

Раним вспыхнул:

– Пока мы считаем потери, буря не ждёт! Наши люди гибнут!

– И ради войны мы только отдадим больше? – тихо спро-

сил Сирус. – Я не хочу, чтобы ты вырос в битве, сын. Я хочу, чтобы ты был мостом между народами, а не мечом.

Но слова отца не прибили огня в груди Ранима – они лишь усложнили его чувство вины. Его идеал поведения сцепился с реальностью: мудрость правления против неотложной нужды спасения.

Тем временем, в тронном зале Далсара, Перуз, одинокий в окружении придворных, продумывал свои ходы – напротив него, Мортеза, старший сын, уже словно готовился принять бремя, которое может оказаться слишком тяжким даже для сильных плеч. Перуз шептал о куполе как о клятве, но голос его дрожал от усталости и горечи:

– Ты найдёшь материалы любым способом! – грозил он Мортезе, – но не смей упоминать Сируса. Он – змей в овечьей шкуре.

Вечернее солнце клонилось к закату, заливая зал алым светом. Окна тронного зала были приоткрыты, и лёгкий ветер колыхал тяжёлые шторы из золотой парчи.

Перуз сидел на троне – уставший, но всё ещё величественный. Мортеза стоял перед ним, с холодным блеском в глазах, руки скрещены на груди.

– Ты знаешь, Мортеза, – начал Перуз, устремив взгляд в окно, – буря, о которой говорят старейшины, не просто ветер и песок. Это – предвестие перемен. Если мы не построим купол вовремя, Тарвеш и Далсар превратятся в пыль.

– Я слышал, – ответил Мортеза ровно. – Но разве не для

этого у нас есть союзники?

– Именно. – Перуз повернулся к нему. – В Шамире и Хадране есть всё, что нам нужно. Пусть не те же материалы, что у Далсара, но близкие по прочности. Я хочу, чтобы ты возглавил переговоры.

Мортеза приподнял бровь.

– Переговоры? Или очередную демонстрацию силы?

Перуз слабо улыбнулся:

– Не всегда сила побеждает. Иногда сердце и слово могут сделать то, чего не добьётся меч.

Мортеза тихо усмехнулся, но в его усмешке слышалось презрение.

– Слова не удержат стены, отец. Только камень и сталь.

– Потому я и посылаю тебя, – сказал Перуз, поднимаясь. – Ты умеешь убеждать, когда хочешь. А ещё... – он сделал паузу, – в Хадране есть дочь царя. Говорят, она умна и необычайно красива. Союз с их домом укрепил бы позиции Тарвеша.

Мортеза медленно поднял взгляд, глаза сузились.

– Красота, говоришь?..

– Возможно, судьба сама даст тебе знак, – произнёс Перуз, не заметив, как лицо сына затвердело.

Мортеза шагнул ближе, в голосе его послышалась ледяная усмешка:

– Судьба? Нет, отец. Я не ищу жён и не ловлю знаков. Есть лишь одна невеста, достойная моей руки.

Перуз нахмурился.

– И кто же она?

Мортеза улыбнулся – холодно, почти хищно.

– Власть. Она одна не предаёт и не стареет.

Меж ними повисла тишина. Ветер качнул факел у стены, пламя на мгновение выхватило из тени лицо Мортезы – в нём читалась одержимость. Перуз опустил взгляд, тяжело вздохнув.

– Осторожнее, сын, – тихо сказал он. – Любовь к власти – самый опасный из ядов.

Мортеза склонил голову, и уголок его губ дрогнул.

– А я умею обращаться с ядами, отец.

Он сделал шаг назад, но внезапно, словно сменив настроение, добавил мягче:

– Но ты прав. Мир и союз важнее всего. Я отправлюсь в Хадран и сделаю всё, чтобы добыть материалы. Обещаю.

Перуз облегчённо вздохнул, в глазах его мелькнула надежда.

– Рад это слышать, сын. Тогда... выпьем за успех.

Он хлопнул в ладони – двое слуг принесли серебряный поднос с вином. Перуз собственноручно наполнил бокалы – густая рубиновая жидкость заиграла в свете факелов.

– За Тарвеш. За наш дом и за то, чтобы ты доказал всем, что достоин своего имени, – произнёс Перуз и поднял кубок.

Мортеза ответил кивком.

Они чокнулись – звон серебра разлетелся по залу, как

крик судьбы.

Перуз залпом выпил, с наслаждением выдохнув.

Мортеза же лишь поднёс кубок к губам, позволив вину едва коснуться языка. Он сделал вид, что опустошил бокал, и поставил его обратно на стол.

– Удачи тебе, сын, – сказал Перуз, довольный. – Пусть боги хранят твой путь.

– И твой, отец, – ответил Мортеза. В его голосе слышалась странная мягкость, почти ласка.

Он поклонился, развернулся и вышел из покоев, тихо прикрыв за собой двери.

В ту же ночь, стоя на балконе своих покоев, Мортеза долго смотрел на огни столицы. Ветер трепал его чёрный плащ, а в глазах отражался холодный блеск факелов.

– Любовь к власти – яд, – повторил он, тихо усмехнувшись. – Что ж... Я выпью его до дна.

Вино было крепким, сладким, с лёгкой терпкой ноткой граната. Перуз откинулся на резной спинке кресла, чувствуя, как тепло напитка разливается по телу.

Он закрыл глаза, улыбнулся – сегодня ему показалось, что в сыне наконец пробудилась искра разума, что, возможно, их отношения смогут стать другими.

За окнами вечер медленно переходил в ночь. Факелы на башнях вспыхнули ярче, ветер усилился, гоняя песок по двору.

Перуз поднялся и подошёл к балкону. Внизу мерцали огни

города, слышались далёкие крики торговцев, запах свежего хлеба с базара пробивался даже сюда, в царские покои.

Он глубоко вдохнул.

– Всё изменится... – тихо сказал он самому себе. – Мортеза повзрослел. Может быть, и вправду всё наладится.

Но внезапно лёгкое головокружение заставило его опереться рукой о перила.

Мир чуть дрогнул, вспыхнул и затих. Перуз нахмурился, покачал головой – «усталость», подумал он. «Слишком много забот».

Он сделал шаг назад, но ощущение слабости не проходило. Горло пересохло, и странный металлический привкус остался на языке.

Он нахмурился.

– Вино?... – шепнул он себе под нос, но тут же отмахнулся. – Глупости. Просто устал.

Он сел обратно в кресло, прикрыв глаза.

Огонь в камине плясал, бросая на стены живые тени.

И среди них одна – тёмная, вытянутая – словно отделилась от остальных.

На балконе напротив, скрытый в глубине ночи, стоял Мортеза. Его фигура была почти неразличима в темноте, лишь серебряный блеск кинжала на поясе выдавал присутствие.

Он молча наблюдал, как в окнах отцовских покоев гаснет свет – сначала один факел, потом другой.

Ветер ударил сильнее, сорвав с крыши клочок ткани.

Мортеза тихо усмехнулся.

– Спокойной ночи, отец, – произнёс он еле слышно. –

Пусть сон твой будет долгим...

Он развернулся и скрылся в тени коридора, оставив за собой лишь шелест шагов и предвещание беды, что уже закралась в сердце дворца.)

Мортеза медленно спустился в свои покои. Каменные стены коридора дрожали от сквозняка – буря снаружи усиливалась, и факелы мерцали, будто дыхание ночи пыталось их задуть.

Он вошёл в комнату, захлопнув за собой тяжёлую дверь.

– Подготовь мне одежду на завтра, – бросил он, говоря служанке, – и... вина. Ещё вина.

Из тени у колонны послышался шорох. Маленькая, хрупкая фигура склонилась в поклоне. Это была Фрия – молодая служанка с тёмными глазами и неестественно спокойным лицом.

Она медленно подошла, держа на подносе серебряный кувшин.

– Ваше высочество, – тихо произнесла она. – Вы не спите?

– Не твоё дело, – ответил Мортеза раздражённо, но его голос звучал глухо, будто он был где-то далеко.

Фрия наполнила кубок. Её руки чуть дрожали, но не от страха – от возбуждения.

Она бросила короткий взгляд на Мортезу – высокий,

в чёрной тунике, его глаза блестели, как у зверя в темноте.

– Я... я видела, как вы проходили мимо зала. – Её голос был еле слышен, почти шёпот. – Все говорят, что вы – как сам огонь. Сильный, бесстрашный... и никого не боитесь.

Мортеза медленно повернулся. В его взгляде мелькнуло что-то – смесь усталости и ледяной насмешки.

– Глупые разговоры. – Он подошёл ближе. – Люди всегда говорят то, чего не понимают.

Фрия опустила глаза.

– Но я понимаю... – прошептала она. – Я вижу, как вам тяжело. Вы одиноки. Все вокруг завидуют вам... боятся вас. Но я не боюсь.

Мортеза замер, на миг заинтересовавшись.

Он взял кубок из её рук, не сводя с неё взгляда.

– Не боишься? – усмехнулся он. – А ведь должна бы.

– Нет, мой повелитель, – она подняла на него взгляд. – Я бы отдала жизнь за вас. Если бы вы велели – я бы сделала всё. Любое зло... любую тайну...

Он прищурился.

В этом взгляде не было ни нежности, ни жалости. Только холодное любопытство, как у хищника, впервые встретившего странное существо, не бегущее от него.

– Запомню, – тихо сказал Мортеза. – Возможно, однажды твои слова пригодятся.

Он прошёл мимо неё и сел в кресло, облокотившись на подлокотник. Фрия, словно заколдованная, стояла,

не в силах отвести взгляда.

В её глазах пылала одержимость – та самая, что бывает у людей, потерявших границу между любовью и безумием.

Когда Мортеза отвернулся, она тихо коснулась пальцами его бокала, будто пытаясь через прикосновение к стеклу ощутить связь с ним.

– «Я не позволю тебе исчезнуть, – прошептала она, – даже если весь мир обратится в пепел».

Ветер за окном взвыл, и в пламени свечи мелькнула тень – тонкая, как улыбка демона.

Глава 2

Закатное солнце золотило реку, превращая её в огненный поток. Азиза бежала босиком по песку, визжа от радости. Сёстры смеялись, прячась друг за друга, а ветер развевал их длинные волосы.

Она не думала ни о чём, кроме игры. Мир был прост и ярк: вода, песок, смех.

Но вдруг всё изменилось.

Гул копыт пронёсся с холма, будто сама земля ожила и начала гремять. Азиза остановилась, глаза расширились. На берег реки въехал отряд всадников в сверкающих доспехах. Лошади фыркали и били копытами, воздух запах железом и пылью.

– Азиза, беги! – закричала старшая сестра, но ноги девочки приросли к земле.

С криком «Вперёд!» передовой всадник – высокий мужчина с густой бородой и глазами, полными ярости, – рванул на неё. Это был сам Перуз. Рядом с ним ехал его сын Мортеза, юный, но уже жестокий, с холодной усмешкой на лице.

Азизу подхватили грубые руки. Она закричала, брыкаясь, царапаясь, но её маленькие ладони скользили по металлу доспехов. Мир качался и трясся, когда её подняли в седло.

– Отец, зачем нам эта девчонка? – спросил Мортеза, с любопытством глядя на плачущую пленницу. – У неё нет силы,

нет пользы.

– Глупец, – рыкнул Перуз, не спуская взгляда с реки. – Каждая пленённая душа – кирпич в нашей власти. Их матери будут молиться, их отцы будут проклинять, а мы будем сильнее.

– Но она всего лишь ребёнок, – настаивал Мортеза, нахмурившись. – Пусть бежит за своими сёстрами.

Азиза слышала каждое слово. Её сердце колотилось так, будто вырвется наружу. «Отпустите меня... я не хочу... мама...» – шептали её губы, но голос тонул в ржании коней.

Перуз обернулся к сыну, его глаза блеснули.

– Посмотри на неё, Мортеза. Сегодня она плачет. Завтра будет прислуживать в моём дворце. А однажды, если боги решат, станет пешкой в игре, которую мы ведём против Сируса. Никто не мал для судьбы, даже эта крошка.

Мортеза отвёл взгляд, но в его глазах мелькнула искра – смесь сомнения и тайного сочувствия.

Азиза же ощущала только ужас. Её лицо было мокрым от слёз, волосы прилипли к щекам. Она пыталась повернуться, вытянуть руки к берегу. Там, далеко позади, мать бежала вдоль реки, крича её имя, а сёстры рыдали, обнявшись.

Но всадники мчались быстрее ветра. И с каждым ударом копыт её дом становился лишь далёким воспоминанием.

В груди у девочки всё сжалось. «Я больше не вернусь... никогда...» – шептал её внутренний голос. И мир впервые показался ей холодным, жестоким и бесконечно чужим.

Когда отряд пересёк реку и стены Тарвеша выросли из пыльной дали, Азиза уже перестала кричать. Слез больше не было – глаза опухли и стали сухими. Девочка сидела на седле, прижимая ладони к груди, будто могла удержать сердце, которое готово было выскочить наружу.

Ворота города распахнулись с лязгом. Её повели внутрь, как вещь, как добычу. Каменные стены давили, воздух был тяжёлым, пропитанным запахом дыма и пота.

– В женский корпус, – коротко приказал Перуз, даже не взглянув на неё.

И её отдали в руки старой женщины с жёстким лицом и натруженными руками. Та молча увела Азизу через длинные коридоры. В глубине дворца был большой зал, где жили такие же пленницы – женщины и девушки разных народов. Их глаза были полны усталости и смирения, но когда они увидели маленькую девочку, многие отвели взгляд: слишком больно было узнавать в ней самих себя, только в прошлом.

Азиза долго молчала. Она ела то, что ей давали, мыла полы, носила воду, стирала бельё. Делала всё, что приказывали. Её шаги были тихими, движения – послушными. Она не сопротивлялась, не спорила, не плакала. Только по ночам, когда все засыпали, сворачивалась клубочком на соломе и шептала в темноту:

– Мамочка... я скучаю...

Годы шли. Азиза росла, становясь тонкой, хрупкой девуш-

кой, в которой угадывалась особая грация, хоть и скрытая за простым платьем рабыни. В её глазах появилось что-то другое – печаль, но и тихая сила.

Однажды, когда ей было около десяти, старшая над при-
слугой позвала её:

– Ты теперь не будешь таскать воду. Тебя отправляют во дворец. Принцессе нужна новая служанка.

Азиза вздрогнула. Она боялась: дворец был местом вла-
сти, а значит – опасности. Но отказа не было.

Так она оказалась в покоях Нилуфар.

В первый же день, когда Азиза вошла с подносом фруктов, маленькая принцесса, почти её ровесница, смотрела на неё с неподдельным интересом. В её глазах не было презрения или холодности, как у других знати. Наоборот – там мелькала живая любознательность.

– Ты новенькая? Как тебя зовут? – спросила Нилуфар.

Азиза смутилась, прижимая поднос к груди:

– Азиза...

Принцесса улыбнулась так, как не улыбался ей никто за годы в неволе:

– Красивое имя. Будем подругами?

И в тот миг, впервые за долгое время, в сердце Азизы что-то дрогнуло. Не надежда на свободу, нет. Но что-то похожее на тёплый свет – то, чего она лишилась ещё тогда, у реки.

Покои Нилуфар были огромными: высокие окна, тяжё-
лые занавеси, ковры с узорами, в которых можно было уто-

нуть глазами. Для Азизы, привыкшей к каменным коридорам и соломе, это казалось миром из сказки. Но миром, где она была лишь тенью – служанкой, которая не имеет права на слово.

В первый же вечер она стояла у двери, когда Нилуфар обернулась к ней. На принцессе было лёгкое голубое платье, волосы спадали волной по плечам, а в руках она держала куклу из дорогой ткани.

– Ты почему молчишь? – спросила Нилуфар, склонив голову.

Азиза опустила взгляд.

– Мне нельзя говорить, если вы не позволите.

– Глупости, – фыркнула принцесса и подошла ближе. – Я же не мой отец. Мне нравится, когда со мной разговаривают.

Азиза подняла глаза – робко, с опаской.

– Но... если узнают, меня накажут.

Нилуфар задумалась, потом хитро улыбнулась:

– Тогда это будет нашим секретом. Я люблю секреты.

Она села прямо на ковёр и поманила Азизу рукой. Девочка колебалась, но потом всё-таки присела рядом. В руках у принцессы кукла заиграла по-новому – её подвигали к Азизе.

– Представь, что это ты, – сказала Нилуфар. – А это – я. Они подружились. Видишь?

Азиза не выдержала – уголки её губ дрогнули. Улыбка вы-

шла слабой, но настоящей.

– У меня когда-то была кукла, – прошептала она. – Деревянная. Отец вырезал её сам. . .

Голос сорвался, и в груди защемило. Она прижала руки к лицу, стараясь сдержать слёзы.

Нилуфар осторожно дотронулась до её плеча.

– Ты не одна. Я теперь с тобой.

Эти простые слова будто зажгли в Азизе искру. Впервые за много лет она почувствовала, что кто-то видит в ней не пленницу, а человека.

С того вечера девочки начали встречаться тайком в ночи после того, как Азиза прислуживала: делились историями, мечтами, шёпотом говорили о том, чего им не хватало. Для Азизы – это был дом, который у неё отняли. Для Нилуфар – свобода, которую ей никогда не дадут, несмотря на корону.

И именно в этих ночных разговорах между ними зарождалась тайная клятва: не предавать друг друга, даже если весь мир станет врагом.

Иногда, в редкие минуты тишины, когда шум дворца стихал и даже ветер за окном будто замирал, Азиза закрывала глаза и переносилась туда, в Далсар – в свою маленькую, но полную света жизнь.

Она видела отца – высокого, сильного мужчину с доброй улыбкой и загорелыми руками. Днём он торговал на рынке: раскладывал фрукты и зерно, громко зазывал покупателей. Его голос всегда звучал уверенно и весело:

– Подходите, люди добрые! Лучшие яблоки в Далсаре! Сладкие, как мёд, сочные, как сама река!

А вечерами отец становился простым фермером. Снимал рубаху, засучивал рукава и шёл к полям, проверять урожай. Азиза и её сёстры всегда бежали за ним. Старшая, Ширин, старалась быть взрослой и несла тяжёлое ведро с водой. Средняя, Лейла, упрямо таскала травы для скотины. Азиза же гордилась тем, что ей доверяли собирать яблоки.

– Ты моя пчёлка, – говорил отец, глядя её по голове. – Маленькая, но работающая. *(вставить про мать ее дар)*

Мама встречала их дома. Её руки никогда не знали покоя – то ткала ковры, то готовила еду, то шила платья. Но даже за работой она умела петь. Её голос наполнял дом мягким светом, будто в каждой ноте пряталась молитва за их счастье.

Но даже в такие минуты родители обменивались тревожными взглядами. Отец говорил вполголоса, думая, что дети не слышат:

– Я боюсь, что однажды тарвешские всадники придут вместе с бурей.

Мама вздыхала, крепче прижимая дочерей.

– Мы должны молиться, чтобы этот день никогда не настал.

Азиза тогда не понимала всей тяжести этих слов. Но теперь, вспоминая, знала: предчувствие родителей оказалось пророческим.

Утро в дворце началось с привычной суеты. Слуги спе-

шили по коридорам, воины строились во дворе, а в покоях Нилуфар служанки готовили принцессу к завтраку с отцом. Азиза стояла у двери, держа в руках кувшин с водой.

В этот момент в комнату вошла старшая над прислугой – суровая женщина по имени Фирдаус. Её глаза всегда смотрели на Азизу с особой неприязнью, словно именно эта девочка олицетворяла всё, что она ненавидела в своей жизни.

– Ты! – рявкнула Фирдаус, ткнув пальцем в Азизу. – Встань на колени и вымой ковёр.

Азиза растерялась. Ковёр был новым, дорогим, а грязи на нём не было.

– Но... госпожа, он чистый...

Шлёпок ладони по её щеке прозвучал, как выстрел.

– Рабыня не спорит!

Азиза сжала зубы, готовая опуститься на колени, но в этот момент прозвучал звонкий голос:

– Оставь её!

Фирдаус замерла. Нилуфар встала с кресла и шагнула вперёд. Её глаза сверкали решимостью, которая в такие моменты делала девочку удивительно похожей на отца.

– Она моя служанка, – сказала принцесса. – И я решаю, что ей делать.

– Но, ваше высочество... – попыталась оправдаться Фирдаус.

– Довольно! – резко прервала её Нилуфар. – Если я ещё

раз увижу, что ты поднимаешь руку на Азизу, я расскажу об этом отцу. И тогда посмотрим, кто будет мыть ковры на коленях.

Фирдаус побледнела. Она бросила на Азизу злобный взгляд, но промолчала и склонила голову.

– Как прикажете, принцесса.

Когда женщина вышла, Азиза всё ещё дрожала, прижимая ладонь к щеке. Её глаза были полны слёз, но это были другие слёзы – не от боли, а от чего-то нового, тёплого.

Нилуфар подошла ближе и крепко сжала её руку.

– Я сказала, что мы подруги. А подруги не дают друг друга в обиду.

Азиза, не в силах сдержаться, улыбнулась сквозь слёзы и прошептала:

– Спасибо...

С этого дня она знала: даже во дворце, полном страха и подчинения, у неё есть свой маленький остров защиты. И звали его Нилуфар.

Тёплый вечер опускался на дворец. Азиза возвращалась из сада с корзиной фруктов, когда почувствовала, что кто-то идёт за ней. В коридоре было пусто, только факелы потрескивали в держателях.

– Азиза, – голос раздался сзади, низкий и тягучий.

Она обернулась – перед ней стоял Мортеза. Его глаза блестели странным светом, и улыбка не предвещала ничего хорошего.

– Куда так спешишь? – спросил он, шагнув ближе.

Азиза прижала корзину к груди.

– Мне нужно к принцессе... она ждёт меня.

Мортеза усмехнулся:

– Сестра, сестра... Ты всё время прячешься за ней. Думаешь, она всегда будет рядом, чтобы защитить тебя?

Он протянул руку, будто хотел коснуться её щеки. Азиза отшатнулась. В груди у неё похолодело, но ноги словно приросли к полу.

– Не бойся, – прошептал Мортеза, и его улыбка стала жёсткой. – Я могу быть щедрым. Но если ты и дальше будешь дерзить... Я скажу отцу, что ты плохо служишь Нилуфар. И знаешь, что будет? Она перестанет защищать тебя. Ты ей станешь в тягость. И тогда... – он наклонился ближе, его тень закрыла свет факела, – ничто не помешает мне взять то, что я захочу.

Сердце Азизы билось так сильно, что заглушало слова. В голове крутилась только одна мысль: «Нет... нет... нельзя дать ему власть над мной...»

Она резко вывернулась и бросилась по коридору. Корзина выскользнула из рук, фрукты рассыпались по полу, но ей было всё равно. В ушах звучал его смех – долгий, тянущийся, как сама угроза.

Когда Азиза вбежала в покои Нилуфар, её руки дрожали, а губы не могли произнести ни слова. Принцесса испугалась, подбежала, обняла её.

– Что случилось? Кто тебя обидел?

Азиза прижалась к ней, чувствуя только одно: пока рядом Нилуфар – он не посмеет. Но где-то глубоко внутри зародилось осознание – её дружба с принцессой теперь тоже стала оружием в руках Мортезы.

Ночь была безлунной, только серебристые искры звёзд отражались в чёрной глади реки. Азиза, укрывшись тёмным платком, тихо прокралась мимо стражи. Нилуфар знала её маленькую тайну и закрывала глаза на эти вылазки – принцесса понимала, что для подруги это единственная ниточка к родине.

Дойдя до берега, Азиза присела на камень. Она всматривалась в противоположный берег, где смутными очертаниями угадывался Далсар. Её сердце сжалось. «Там мой дом... там мама и сёстры... может, они ещё живы?»

Шорох шагов заставил её вздрогнуть. Из тьмы показался Мортеза. Его глаза, блестящие в полумраке, сразу вызвали холод в её груди.

– Опять ты здесь, рабыня? – он ухмыльнулся, подходя ближе. – Всё смотришь на свой Далсар? Забудь. Ты теперь принадлежишь Тарвешу... и мне.

Азиза отшатнулась, но он схватил её за запястье.

– Отпусти! – шепнула она, но голос дрожал.

– Тише, – он наклонился ближе. – Никто тебя не услышит. Сестра не всегда сможет быть рядом, чтобы прятать тебя от меня. И тогда...

Он сжал её руку сильнее, заставляя вскрикнуть. Но в этот миг раздался плеск воды: к берегу бесшумно причалила лодка. Из неё поднялся высокий молодой человек с луком за плечами.

– Отпусти её, – голос его был твёрдым, спокойным, но в глазах сверкала сталь.

Мортеза обернулся, вскинулся, не узнав чужака.

– Кто осмелился?! Ты знаешь, кто я?

– Мне всё равно, кто ты, – шагнул вперёд Раним. – Я вижу только, что ты мучаешь девушку.

Азиза, не веря своим глазам, замерла. Она не знала ни его лица, ни имени, но в его фигуре было что-то... надёжное.

Мортеза выпустил её руку и выхватил кинжал.

– Смельчак... Значит, умрёшь здесь, у реки.

Они столкнулись в темноте. Клинок сверкал, Раним уходил от ударов, отвечая кулаками. В конце концов он перехватил руку Мортезы и со всей силы ударил его в челюсть. Тот рухнул на землю без сознания.

Раним тяжело дышал. Он бросил взгляд на Азизу, которая всё ещё дрожала.

– Ты в порядке?

Она кивнула, едва находя слова.

– Быстро, – сказал он и протянул ей руку. – Уходим, пока сюда не сбежались его люди.

Азиза вложила ладонь в его, и впервые за много лет почувствовала, что кто-то встал между ней и опасностью. Они

побежали вдоль берега, скрываясь в ночи.

Позади, у реки, Мортеза пришёл в себя. Схватившись за лицо, он взревел от ярости. Его люди подбежали с факелами.

– Где вы были, безмозглые псы?! – рявкнул он. – Найти их! Найти обоих! Пусть земля и вода сожрут вас, если они уйдут живыми!

И ночь, казалось, содрогнулась от его крика.

Они бежали, едва дыша, по узкой тропе вдоль берега. Ветер гнал запах факелов, позади уже слышался топот сапог и крики воинов.

– Сюда! – шёпотом приказал Раним, резко свернув в заросли. Он знал местность лучше, чем можно было подумать: несколько раз уже тайком пробирался в земли Тарвеша в поисках следов древних материалов для купола.

Азиза спотыкалась, платье путалось в траве, но он крепко держал её за руку и не давал упасть.

Вскоре они добрались до старых руин у подножия холма. Когда-то здесь стояла сторожевая башня, теперь же лишь обломки камней торчали из земли, поросшие мхом.

Раним втянул девушку внутрь. Он приложил палец к губам, призывая к тишине.

Воины с факелами пробежали мимо, крича и ругаясь. Один даже обернулся в сторону руин, но не заметил ничего подозрительного. Их шаги вскоре затихли.

Азиза прижалась к стене, всё ещё дрожа. Она смотрела

на Ранима широко раскрытыми глазами, в которых смешались страх, благодарность и недоверие.

– Кто ты? – наконец выдохнула она.

– Тот, кто оказался рядом, когда это было нужно, – ответил он спокойно, но взгляд его смягчился. – Меня зовут Раним.

– Ты... не из Тарвеша... – её голос дрогнул.

– Верно, – он кивнул. – Я из Далсара.

Азиза застыла. Сердце её ухнуло вниз.

– Далсар... – прошептала она. – Мой дом... моя семья... там...

Слёзы блеснули в её глазах, но она поспешно их смахнула.

Раним осторожно наклонился ближе.

– Ты из Далсара?

Она кивнула, не в силах произнести больше ни слова. Они лишь погрузилась в воспоминания...

В тот день буря налетела особенно яростно. Небо над Далсаром заволокло чернотой, а ветер свистел, как тысячи злых духов. Сначала стены дома закрипели, потом ударил первый град, и крыша задрожала под натиском небесной ярости.

– Быстро вниз! В подвал! – приказал отец, подгоняя семью.

Мама схватила Ширин и Лейлу за руки, Азиза бежала рядом, спотыкаясь, но чувствуя, как сильная рука отца поддерживает её в последний момент.

Когда они спустились вниз, мать обняла дочерей и прижала их к себе. Отец задержался.

– Я только закрою скот и подправлю балки у ворот. Они не выдержат такого ветра! – крикнул он сквозь грохот.

– Нет! – мама попыталась ухватить его за руку, но он уже рванул к двери. – Вернись, пожалуйста!

Дверь хлопнула, и ветер ворвался в дом, заставив свечу в подвале едва не погаснуть.

Азиза крепко прижималась к матери, но сердце билось в горле. Каждая секунда тянулась, как вечность. Сквозь шум ветра она слышала, как отец кричит командам скоту, как хлопают ставни, как рушится забор.

И вдруг – страшный гул. Будто сама земля вздрогнула. Дом застонал под натиском ветра, стены затрещали.

– Папа! – закричала Азиза, вырываясь из маминых рук. Но мама прижала её сильнее.

Вдруг дверь захлопнулась сама, и тишина в подвале стала ещё страшнее, чем вой ветра. Отец так и не вернулся.

Мама плакала, стараясь не издавать звуков, но слёзы падали ей на руки, которыми она обнимала дочерей. Ширин молчала, стиснув зубы, Лейла всхлипывала. Азиза же не могла отвести глаз от двери, за которой исчез её отец.

Ветер ревел всю ночь. А утром, когда буря стихла, они вышли наружу. Двор был разрушен: поваленные деревья, разбитая крыша, разметанный скот. Но самое страшное – отца не было. Его так и не нашли. Одни говорили, что буря

увлекла его в реку. Другие – что он погиб под обломками.

*Для Азизы же осталась лишь пустота. С того дня каж-
дый шум ветра напоминал ей о той ночи. И даже теперь,
спустя годы, в чужих стенах, когда поднимался шторм, ей
казалось, что буря снова хочет отнять у неё кого-то близ-
кого.*

Впервые за долгие годы она встретила кого-то с той сторо-
ны реки. Чужой, враг по крови и законам войны... и в то же
время – родной, потому что он был из её мира.

Между ними повисла пауза. Где-то вдали всё ещё слыша-
лись крики воинов Мортезы, но здесь, среди развалин, было
удивительно тихо.

– Я верну тебя домой, – тихо сказал Раним, и в его словах
не было ни капли сомнения. – Обещаю. Как твоё имя?

– Азиза. Я прислуживаю принцессе Нилуфар в этом двор-
це.

Азиза всхлипнула и впервые позволила себе довериться.
Она сжала его руку – ту самую, что вытащила её из плена
у реки – и прошептала:

– Я верю тебе...

Азиза сидела, прижав колени к груди. Впервые за много
лет перед ней открылась надежда – Раним говорил о возвра-
щении домой, и её сердце билось от этого слова, как птица
в клетке. Дом...

Она повернулась к нему, глаза её блестели от слёз.

– Я мечтаю вернуться в Далсар... – тихо сказала она. –

Каждый день я думаю только об этом. Но... я не могу бросить Нилуфар.

Раним удивлённо поднял бровь.

– Бросить?

– Она для меня больше, чем госпожа, – Азиза крепко сжала пальцы. – Она мне как сестра. Она всегда защищала меня от своего брата, от двора... от всего. Если я уйду не попросившись, это будет предательством. Я не смогу жить с этим.

Она посмотрела прямо в его глаза, в голосе звучала решимость:

– Я должна вернуться и попроситься с ней. Дать ей понять, что со мной все в порядке.

— —

Дворец. Гнев Мортезы

Тем временем Мортеза, весь в крови и пыли, вбежал в зал к отцу. Его лицо перекосилось от ярости.

– Отец! – взревел он. – Рабыня Азиза сбежала! Она была у реки! Я почти схватил её... но появился какой-то дерзкий юнец! Он ударил меня! Меня, твоего наследника!

Перуз нахмурился, тяжело опираясь на трон.

– Юнец? Кто?

– Я не знаю! Но он не из наших! Его лицо было чужим! – Мортеза стиснул кулаки. – Я требую, чтобы ты велел найти этого наглеца и казнить его на площади! А Азизу... Азизу нужно отречь от Нилуфар навсегда и отдать мне в рабыни. Тогда она поймёт своё место.

В зале повисла тишина. Слуги боялись даже дышать.

Перуз медленно поднялся с трона, его взгляд был тяжёлым и холодным.

– Ты осмеливаешься требовать у меня, Мортеза?

– Я требую справедливости! – воскликнул тот, дрожа от бешенства.

Царь поднял руку, призывая к тишине.

– Хорошо. Юношу мы найдём. Если он дерзнул поднять руку на сына короля – его жизнь окончена. Что же до Ази-зы... – он сделал паузу и позвал стражу. – Приведите ко мне Нилуфар.

Мортеза расплылся в мрачной усмешке. Ему казалось, что теперь всё будет так, как он хочет.

Глава 3

Нилуфар вошла в зал, не понимая, зачем её вызвали среди ночи. На лице у отца была каменная усталость, у брата – торжествующая улыбка. Она едва успела поклониться, как Мортеза заговорил:

– Отец, скажи ей! Пусть расскажет, где её подруга-рабыня! Пусть признается, куда та сбежала!

Сердце Нилуфар дрогнуло, она побледнела.

– Сбежала?.. – голос её зазвенел от ужаса. – Азиза?..

– Да! – Мортеза шагнул ближе, и его глаза блеснули злобой. – С ней был чужак, дерзкий юнец, который осмелился ударить меня! Она бежала с ним, оставив тебя одну, сестра.

Эти слова вонзились в грудь Нилуфар, как нож. Она покачнулась, но быстро собралась и, глядя прямо в глаза брату, закричала:

– Лжёшь! Азиза не могла сбежать сама! Ты довёл её! С самого дня, как отец привёл её во дворец, ты не давал ей покоя! Ты преследовал её в коридорах, ты смотрел на неё, как хищник на добычу!

Мортеза вздрогнул, в его глазах полыхнула злоба.

– Осторожнее, сестра...

– Нет! – Нилуфар заговорила громче, в её голосе зазвучали и слёзы, и гнев. – Ты превратил её жизнь в страх! Это не желание, Мортеза, это одержимость! Ты хотел, чтобы она

принадлежала тебе, как вещь!

Зал замер. Даже советники отводили глаза.

Перуз тяжело поднялся с трона. Его взгляд метался от сына к дочери. Он понимал каждое слово Нилуфар, но перед залом не мог позволить себе выглядеть слабым.

– Довольно! – рявкнул он так, что эхо прокатилось по стенам. – Нилуфар, твои слова опасны. Если люди услышат, что ты защищаешь беглую рабыню, это станет позором для всего дома.

– Отец! – воскликнула она. – Это не позор! Позор – позволять брату превращаться в чудовище ради прихоти!

На мгновение в глазах Перуза мелькнула боль. Он прекрасно знал, что Нилуфар права. Он знал: в сыне жил будущий правитель, но его слабость перед женщинами – особенно перед Азизой – отравляла разум, превращала страсть в безумие.

Он подошёл ближе к Мортезе и сказал тихим, но твёрдым голосом:

– Азиза – всего лишь рабыня. Ради утоления твоего желания я могу привести тебе сотню других. Но я не позволю, чтобы твоя одержимость разрушала двор.

Мортеза сжал кулаки, дыхание его было тяжёлым.

– Ты не понимаешь, отец... Если ты не поможешь мне, я сам найду её. Я сам! – в его голосе звучала угроза не только Азизе, но и всему дому.

Перуз сжал губы, понимая: каждый его выбор ведёт к тре-

щине – между дочерью и сыном, между правдой и властью. Но в этот момент он видел: Мортеза не успокоится. И это могло стать началом беды, которая накроет весь Тарвеш.

А Нилуфар стояла в стороне, слёзы катились по её щекам. Она чувствовала – в её руках ничего не осталось, кроме верности Азизе и надежды, что где-то за рекой та всё ещё жива.

Нилуфар сидела у окна, её пальцы дрожали, сердце не находило покоя. Мысли путались. Азиза сбежала... «С братом случилась новая вспышка ярости... Отец слушал Мортезу больше, чем меня...»

Но вместе с болью и страхом зарождалось решение. Она чувствовала: если Азиза жива, если она где-то там, за рекой, то только она одна сможет стать её надеждой. Нилуфар тихо прошептала:

– Я найду тебя, Азиза... И мы вместе всё исправим.

Внезапно Перуз, ещё недавно державший голос грозным, возвращался к своим покоям. Его шаги были тяжёлыми, дыхание прерывистым. В голове звенело. Он собирался к сыну, чтобы усмирить его после ссоры, но не успел – ноги подкосились, и он рухнул прямо на холодный каменный пол.

– Государь! – вскрикнул стражник. Слуги сбежались, подняли его на руки. Его лицо было бледным, губы сухими. Один из них бросился за лекарем.

Когда Нилуфар услышала крики во дворце, она сорвалась с места и помчалась в покои отца. Там, окружённый слугами,

он лежал на постели, дыхание было неровным. Рядом сидел старый лекарь, вглядываясь в него с глубокой тревогой.

– Отец! – закричала Нилуфар, падая рядом и хватая его за руку.

Глаза Перуза приоткрылись, но взгляд был мутным. Он попытался улыбнуться, но вместо этого лишь слабо сжал её пальцы.

Лекарь тяжело вздохнул и повернулся к принцессе:

– Государь тяжело болен, дитя. Скорее всего это отравление. Силы его угаснут, если не приготовить снадобье из особого цветка.

– Какого цветка? – Нилуфар с надеждой схватила за каждое его слово.

– Его называют сальма-ахр. Она растёт только у берегов Далсара. Здесь, в Тарвеше, её не сыскать.

Эти слова ударили Нилуфар, как гром. Далсар... земля, что по ту сторону реки, враг их народа... и дом Азизы.

Она поднялась, стиснув кулаки.

– Я найду Азизу, – прошептала она. – Она знает эти земли. Она поможет мне достать цветок. Я обязана это сделать, отец... ради тебя.

И впервые в жизни Нилуфар ощутила: судьба всей её семьи и, возможно, обоих государств теперь лежит на её плечах.

Далсар. Зал Совета

Высокие стены тронного зала отражали гул голосов ми-

нистров. Они спорили, перебивая друг друга, каждый предлагал свои меры, как уберечь народ от новой бури, которая, по словам звездочётов, должна была обрушиться на царство уже через несколько дней.

– Мы должны согнать скот на восточные пастбища, – горячо говорил советник по хозяйственным делам. – Там меньше вероятность обрушения.

– Но там же каменистая земля, – возразил другой. – Скот не выдержит. Я предлагаю вести людей в горные пещеры.

– Это обернётся голодом! – воскликнул третий.

Голоса сливались в какофонию. Царь Сирус, сидевший на троне, молча слушал, и его тяжёлый взгляд постепенно становился всё мрачнее. Наконец он поднял руку, и зал стих.

– Довольно, – произнёс он с усталостью, но властно. – Снова и снова мы возвращаемся к спорам. Народ ждёт от нас решений, а не пустых слов. Пусть советники запишут всё предложенное, но пока ни один из вас не дал мне ответа, который я мог бы назвать надёжным.

Он перевёл дух, посмотрел на министров и добавил:

– Позовите моего сына. Пусть он услышит всё сказанное. Ему нужно учиться думать не только как воину, но и как правителю.

Стражник поклонился и быстро вышел.

Советники переглянулись. Для многих юный принц Раним был символом надежды: острый ум, смелое сердце, ясный взгляд на то, чего не замечали старшие. Его присутствие

часто разряжало споры.

Но время тянулось. Царь Сирус несколько раз бросил взгляд на дверь.

– Что так долго? – наконец спросил он.

В этот момент дверь отворилась, и вошёл тот же стражник. Его лицо было бледным. Он опустился на одно колено:

– Ваше Величество... принца нигде нет.

В зале раздались тревожные возгласы.

– Что значит «нет»? – голос Сируса сорвался.

– Его не нашли ни в покоях, ни в саду, ни в конюшнях.

Мы обыскали весь дворец. Слуги клянутся, что не видели его со вчерашнего вечера.

Тяжёлое молчание повисло в зале.

Советник по военным делам шагнул вперёд:

– Ваше Величество, это может быть похищение. Тарвеш ждал только удобного случая...

Другой министр покачал головой:

– Или же принц сам ушёл. Вы знаете его характер, он не раз говорил о куполе и о поисках материалов. Возможно, он решился действовать без вашего ведома.

– Тише! – резко прервал их Сирус.

Он провёл рукой по лицу, словно пытаясь отогнать дурное предчувствие. Потом его глаза застыли, наполненные сталью.

– Объявите поиски, – произнёс он твёрдо. – Пусть каждая улица, каждая тропа будут проверены. Никто не отдыхает,

пока не найдут моего сына.

И хотя его голос звучал уверенно, внутри сердце Сируса сжалось: он чувствовал, что исчезновение Ранима связано с силами куда более грозными, чем простая юношеская дерзость или вражеская хитрость.

После того как в зале Совета воцарилась тревога, а царь Сирус приказал обыскать весь город, Соруш молча вышел из тронного зала. Его лицо оставалось каменным, но внутри он уже принял решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.